
И. В. ЧЕРКАЗЬЯНОВА

**ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ: РАЗМЫШЛЕНИЯ
О СУДЬБЕ УЧЕНОГО В 1930-е гг.**

Поводом для подготовки настоящего исследования послужила находка в библиотеке Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН. На страницах «Календаря-справочника Академии наук. 1934» (инв. номер 2676) были обнаружены короткие дневниковые записи, которые велись с марта по декабрь 1934 г. Книга попала в институт из Библиотеки Академии наук в 1950-е гг. при передаче дублетного фонда. На заднем форзаце стоит пометка карандашом «1943», возможно, это год поступления справочника в БАН.

Автор нигде не обозначен. В книге обнаружены три пожелтевшие записки: одна с адресом Е. Н. Ивановой,¹ другая написана детским почерком, явно принадлежала дочери автора. На третьем вкладыше авторским почерком сделаны пометки от 1 августа и 12 декабря 1934 г. Между страницами попадаются засушенные растения. Записи сделаны мелким, убористым, хорошо читаемым почерком, написаны чернилами, простым и цветными карандашами. Текст мало информативен, имена знакомых и коллег автора приводятся в сокращенном виде, иногда только фамилии. В конце записей указаны некоторые московские и ленинградские адреса и телефоны.

Автор разграничивает сведения, касающиеся родных и своей работы. Слева на развороте он фиксирует повседневные события, научные наблюдения и размышления, а справа, за редким исключением, — только сведения об отправке и получении почты из дома по адресу Университетская набережная, 5/15.² Основные мысли выделены подчеркиванием либо другим цветом.

Несмотря на краткость записей, их содержание позволяет определить характер занятий и сферу интересов автора. Они сделаны во время

¹ Иванова Евгения Николаевна (1889–1973) — почвовед, сотрудница Института почвоведения, проживала в Ленинграде по адресу: Саперный переулок, д. 9, кв. 13.

² Одна из академических квартир во флигеле во внутреннем дворе Президиума АН.

работы исследователя на Кольском полуострове, где он вел метеонаблюдения. Об этом свидетельствуют встречающиеся данные о высоте воды, температуре и т. п. Не было сомнений, что автор имел прямое отношение к Академии наук и мог работать в одном из институтов, связанных с подобными исследованиями. Это мог быть Почвенный, Сейсмологический, Геоморфологический институты или Институт геохимии, кристаллографии и минералогии. Было выдвинуто предположение, что зафиксированы события во время работы автора записок на Хибинской горной станции Академии наук. Выявление личности автора велось через встречающиеся в записях имена и географические названия, область его занятий. Первоначальное предположение сводилось к тому, что это мог быть молодой человек, возможно, стажер или практикант. К этому выводу подталкивали постоянные упоминания о маленьких дочерях и страстном желании стать известным ученым, постичь многие науки и иностранные языки. Однако записи сделаны по старым правилам орфографии. Так писать вряд ли мог человек, получивший образование в советские годы, а значит, возраст автора был достаточно зрелым. Но на этапе обнаружения записей перед нами не стояла цель выявления авторства анонима, поэтому поиск был прекращен.

Толчком к возобновлению исследования стало выступление сотрудницы БАН О. А. Красниковой на «Кольцовских чтениях» в 2004 г., посвященное Николаю Михайловичу Каратаеву (1875–1942), географу широкого профиля, организатору картографического отдела БАН.

Совпадение фактов из обнаруженных нами маргиналий и из прозвучавшего доклада привели к выводу, что автором был Н. М. Каратаев. Связующим звеном стали имена его супруги (Ванда Петровна) и дочерей (Оля и Таня), которые часто упоминаются в записной книжке. После установления авторства записи приобрели конкретный смысл, они четко вписываются в историческую канву событий, происходивших в Академии наук в начале 1930-х гг. Многие имена были раскрыты полностью.

О Каратаеве нами обнаружена лишь небольшая статья в журнале «Санкт-Петербургский университет».³ Личный архив исследователя хранится в Петербургском филиале Архива РАН. В его составе личные документы, письма, фотографии, студенческие работы, рукописи научных работ, дневники. Вероятно, по какой-то случайности при формировании фонда на указанную записную книжку не обратили внимания, поэтому она оказалась в библиотеке, а не в архиве.

Многие годы Каратаев был тесно связан с Академией наук и Ленинградским университетом. Его академическая карьера началась в 1909 г., когда он занял должность библиотекаря Зоологического музея. В 1916 г.

³ *Золотницкая Р. Л., Красникова О. А.* Безвестный ученый. К 125-летию Н. М. Каратаева // Санкт-Петербургский университет. 2000. № 21/22.

он стал метеорологом Главной Физической обсерватории. В 1925 г. благодаря его усилиям было принято решение об образовании пятого — картографического отделения БАН. С 1931 г. Каратаев, сотрудник Песчано-Пустынного института АН, регулярно участвует в академических экспедициях, работает старшим ученым специалистом-климатологом на Кольской базе в Хибинах. Многоплановость научных интересов во многом объясняется его образованием. Каратаев учился на Высших Географических курсах при Докучаевском почвенном комитете Департамента земледелия (1916–1918), а с 1 сентября 1918 г., когда курсы были преобразованы в Географический институт, продолжил образование уже в институте. В 1919 г. поступил в Военно-медицинскую академию. В 1925 г. Географический институт волился в состав Ленинградского университета на правах самостоятельного географического факультета, с этого времени Каратаев преподавал в университете, занимая должность доцента. Первым деканом факультета был академик А. Е. Ферсман, директор бывшего Географического института. Ферсман был начальником Каратаева не только на факультете, но и в период его работы на Кольской базе, директором которой был академик.

Несмотря на ограниченность сведений, приведенных в записной книжке, они несут важную смысловую нагрузку, так как позволяют реконструировать психологический портрет исследователя, мотивы поступков, цели, которые он ставил перед собой, а также отношение к окружающим сотрудникам. Полученные сведения могут дополнить основной корпус архивных документов Каратаева. Вместе с тем реконструированные факты позволяют говорить о некоем типичном явлении, об исследователе «второго плана», который испытывает определенный дискомфорт в академической среде начала 1930-х гг. в силу каких-либо причин (происхождение, убеждения, образование).

С 1930 г. работа по изучению природных ресурсов Кольского полуострова сосредоточилась на Хибинской горной станции (с 1934 г. — Кольская база), которую организовал и возглавлял академик А. Е. Ферсман. К концу первого года станция включала в свой состав: Геохимическую лабораторию, Полярно-альпийский ботанический сад и Климатолого-метеорологический отряд. Заведующей станцией в 1931–1935 гг. была Кесслер Елена Павловна (1892–после 1940), геолог-минералог.⁴ С 1921 г. под руководством Ферсмана она участвовала в исследовании Кольского полуострова. Первым ученым секретарем нового учреждения была Воробьева Ольга Анисимовна (1903–1974), геолог-петрограф, одна из организаторов Хибинской станции, отдавшая изучению полуострова более 20 лет. Климатологический отряд возглавляла Аполлинария Филаретовна Захарова, впоследствии доцент географического факультета ЛГУ, известный климатолог.

⁴ О Е. П. Кесслер см.: *Шпаченко А. К.* Елена Павловна Кесслер // Тигетта. 2008. № 2. С. 19–20.

Метеостанция в Хибинах была открыта 1 августа 1933 г., но только летом 1934 г. была полностью оборудована необходимыми приборами. В 1933 г. работала первая климатологическая экспедиция в Хибинах, а с марта 1934 г. начаты систематические стационарные наблюдения над климатом и микроклиматом Хибин. Поэтому не случайно, что Каратаев, уже имевший богатый опыт работы климатологом в Геофизической обсерватории, выехал в Хибиногорск (Кировск) именно в это время (22 марта). Усилиями сотрудников Кольской базы и Совета по изучению производительных сил АН (СОПС) летом 1934 г. была организована экспедиция климатологического отряда для проведения актинометрических наблюдений на озеро Малый Вудъявр. (Название упоминается в записях Каратаева за 14 июля.)

Кольская база служила опорным пунктом для проведения академических комплексных экспедиций. Летом 1934 г. в районе станции работали два отряда Ботанического института (БИН). Стационарный отряд возглавляла Ольга Сергеевна Полянская (1892–1988), проработавшая в БИНе с 1921 по 1939 г. Институт почвоведения направил сюда отряд во главе с Евгенией Николаевной Ивановой (1889–1979), которая руководила в институте Лабораторией генезиса солонцовых почв.

Н. М. Каратаев упоминает имена всех руководителей базы и отрядов. Об академике Фермане пишет в связи с ожиданием его приезда в апреле, а затем в июле. Вероятно, весной директор базы не приехал, так как до конца мая находился за границей на лечении, а летом, после реорганизации станции в базу, приезжал наверняка. Через О. А. Воробьеву Каратаев передал письмо своим родным. Он часто использовал okazji для отправки писем в Ленинград, поэтому многие имена коллег упоминаются в этой связи. Среди встречающихся имен метеоролог Евгений Иванович Тихомиров, почвовед Николай Николаевич Соколов,⁵ Андрей Абрамович Красовский, М. В. Померанцев, Регель (возможно, ботаник Анатолий Робертович), Харченко (возможно, растениевод Владимир Алексеевич, 1876–1952).

Главным «героем» записок является семья. Счастье и благополучие семьи — цель и смысл работы Каратаева. «Твердо и окончательно решаю, весь остаток жизни отдам интересам детей наших и жены моей», «для спасения моих милых и самого себя необходимо объявить себя на военно-осадном положении и железной волей направить свою жизнь на завоевание свободы и счастья» — подобными клятвами автор направляет свою жизнь и работу к избранной цели. Сам он писал домой часто, два-три раза в неделю, и с нетерпением ожидал известий от жены. Большим событием стал приезд на базу его старшей дочери Ольги (22 июля), она оставалась с отцом до 7 сентября.

Автор находится в постоянных сомнениях, какое научное направление избрать для дальнейшей работы. Он ставит задачи по изучению

⁵ О Н. Н. Соколове см.: Репрессированные геологи / Гл. ред. В. П. Орлов. М.: СПб., 1999. С. 294.

специальных трудов по географии, геофизике, климатологии, ботанике, зоологии, физике, математике, при этом признается, что в основе его профессии лежит климатология «с широкой географической основой» (22 апреля). Неоднократно Каратаев называет будущее направление работы, но оно постоянно варьируется. 22 апреля он твердо решает быть геофизиком, 6 мая — «крупнейшим геофизиком-географом», 18 июля — ботаником, климатологом-фенологом. 17 августа выбирает для изучения историю науки (биогеография и ботаника), 6 сентября — физическую географию. 24 сентября ставит задачу стать «великим ученым-географом», 2 ноября — географом со специализацией по климатологии, геофизике и геохимии, 10 декабря — географом-ботаником, 11 декабря — зоологом-врачом. 22 декабря пишет о необходимости возобновления занятий по медицине. В перечне необходимых для самообразования книг названы труды А. В. Клоссовского, А. И. Воейкова, Л. С. Берга, П. И. Броунова, В. Н. Сукачева, С. С. Неуструева и др. Подчеркнута обязательность изучения трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а из авторов «буржуазных монографий» названы Suss, Wegener, Вернадский. Автор неоднократно расписывает план занятий на ближайшее будущее, а также на 1935 г. и даже до 25 декабря 1938 г. Так, например, он убеждает себя, что через четыре месяца будет свободно говорить по-французски. 7 июня составлен распорядок дня: подъем в 4 утра, затем полтора часа занятий французским языком, далее метеонаблюдения (до 9 утра), после завтрака один час отведен для библиотечных занятий. Вероятно, планы чаще всего оставались на бумаге, потому что Каратаев вновь и вновь дает «железную клятву» «сосредоточенно», «фанатически», «серьезно» взяться за дело, при этом сроки начала осуществления планов отодвигались.

Занятия наукой для автора — это «возрождение к творческой, красивой жизни», это способ самоутверждения в глазах окружающих («чтобы не терпеть кривых улыбок разных ничтожеств»). Заниженная самооценка проявляется во многих высказываниях. Он вырабатывает своеобразный «моральный кодекс» поведения и взаимоотношений с коллегами: «Надо отрастить непременно волчьи зубы и львиные когти, чтобы защищаться и нападать» (17 июля). Эта поведенческая «программа» перекликается с его политическими убеждениями. Он пишет: «Бесчестно в наше революционное время, у нас в России, бездействовать, когда каждый работник — каменщик в строящемся здании социализма» (7 июля). В другом месте встречаем запись: «Стальной волею войду в регламент железной дисциплины труда. Основная заповедь: молчаливость, сдержанность, страстная преданность великой нашей коммунистической революции» (25 июня).

Овладение наукой для Каратаева — это и оружие борьбы за счастье семьи и свое личное, это способ завоевания личной свободы. «Воистину „наступают времена гонимые“, — пишет он 1 августа. — Надо быть готовым не пропасть в этот величайший исторический момент, — и спасти семью — жену и детей. Рушится капиталистический

мир, строится новый — коммунистический. Потрясения будут страшные!.. Надо вооружиться и на борьбу за общее дело революции, и на борьбу за своих милых». 1 сентября появляется цитата из «Фауста» Гёте: «Nur der verdient sich Freiheit, wie das Leben, der täglich sie erobern muss» («Лишь тот достоин свободы и жизни, кто каждый день за них идет на бой»).

Записи, сделанные в июле–сентябре, поражают своей откровенной неприязнью к некоторым сотрудникам, в них настойчиво звучат мотивы революционной борьбы за искоренение «вражеских элементов» в рядах Академии наук, а себя автор ощущает «революционером науки». Накануне приезда дочери Каратаев пишет: «Госка неумная от того, что нет вестей из дома. Завтра приезжает Кесслер, скоро будет здесь Ферсман и мне все тяжелее и бесприютнее делается от всего этого. Мои сотрудники или подлы (<...>)⁶ или несимпатичны (<...>). А тут еще „начальство“ жду в лице прохвоста <...>. Плохую коммерцию я сделал с Хибинами». Апофеоз такого настроения наступает 6 августа, когда была сделана следующая запись: «Еще одну клятву даю: всеми силами бороться за выкорчевывание старого барства, остатков старой гнилой России, — за искоренение всей белогвардейской сволочи, которая заражает своим гниением здоровую ткань революции, коммунистического общества. В частности в Академии наук много еще отбросов старой самодержавной России (<...>, <...> и им подобные), — всю эту сволочь надо вымести помелом из Академии. Надо непременно съездить в Москву и повидаться со старыми друзьями-большевиками». Отведенная для себя роль революционера все больше укрепляется в сознании автора: «Надо покончить с этим хамским, подлым, рабским самочувствием побитой собаки или ожидающей палки и повизгивающей, и стать гордым, независимым, свободным гражданином мировой революции. Надо немедленно включаться в боевую армию ученых работников и начать со стальным упорством, с фанатической энергией и настойчивостью проведение программы своих работ» (7 сентября).

23 декабря 1934 г. Н. М. Каратаев выехал в Ленинград. Последняя запись сделана в ночь перед отъездом: «Уезжаю с очень тяжелым чувством неудовлетворенности собой и средой».

Внутренняя драма ученого, вероятно, продолжалась и в последующие годы. Кандидатскую диссертацию он защитил в 1941 г., в возрасте 65 лет, а монография на тему диссертации «Николай Михайлович Пржевальский — первый исследователь природы Центральной Азии» была опубликована в 1948 г., после смерти автора.

Николай Михайлович Каратаев скончался в блокадном Ленинграде 25 февраля 1942 г., за несколько дней до намеченной эвакуации.

⁶ Указанные Каратаевым имена опускаем из соображений этики.

ZUSAMMENFASSUNG

Im Artikel geht es um das Auffinden und die Zuschreibung eines Tagebuches des bekannten Geographen N. M. Karataew (1875–1942). Seine Tätigkeit war mit der Leningrader Universität und der Akademie der Wissenschaften der UdSSR eng verbunden. Die Notizen führen uns in die Zeit vom März bis zum Dezember 1934 zurück. Sie geben uns eine Vorstellung von der inneren Welt des Forschers und charakterisieren seine engsten Mitarbeiter.